

СЕКЦИЯ «ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА»**ПОДСЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА»****Новые тенденции во внешней политике современной Турции в 2000-е гг.*****Бакустин Александр Валерьевич****аспирант**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Окончание холодной войны явилось крупнейшим глобальным событием, эффект которого оказал сильнейшее влияние, затронув практически все государства современного мира. Кардинальные изменения 80-х — начала 90-х годов XX в. коснулись не только отдельных фрагментов мирового геополитического пространства, но и геополитической конфигурации мира в целом. В новых условиях стали меняться принципы международных взаимоотношений, причем уклон стал делаться больше на универсальность силы, а не на верховенство международного права. По замечанию Министра Иностранных Дел России Сергея Лаврова, «проясняются некоторые реалии, которые имеют определяющее значение для формирующейся новой архитектуры международных отношений». Современная история содержит в себе уже не мало примеров верховенства силы над международными нормами и обязательствами (распад Югославии 1999 г., военное вторжение США в Ирак в 2003 г.). Все перечисленные изменения заметно повлияли на выбор многих государств Евразии, подтолкнув их к пересмотру своих внешнеполитических ориентиров. К числу таких стран относится и Турецкая Республика.

Конец холодной войны предоставил Турции новые возможности для реализации своих внешнеполитических задач, однако вместе с этим, перед Турцией открылись совершенно новые географические области, которые таили в себе новые потенциальные угрозы. Традиционно, внешняя политика Турции республиканской эры, начало которой ведется с 1923 г., характеризовалась двумя центральными принципами. Первый и основной её элемент касался определенной ориентации на Запад, конечной целью которой была полная интеграция в Европейский Союз. Второй её принцип содержал в себе консервативный или защитный подход по отношению к внешней политике, который основывался на том, что страна попыталась избежать экстерриториальных интересов или действий, простирающихся вне её границ. Распад СССР расширил турецкие горизонты внешней политики. Турция, точно так же как другие образовавшиеся государства, нуждалась в новом видении внешней политики, новом наборе принципов, новой парадигме, новой стратегии развития - чтобы справиться с последствиями окончания периода холодной войны и распада Советского Союза, который, как отмечает премьер-министр России Владимир Путин, «стал крупнейшей геополитической катастрофой века».

Турция пережила 1990-е гг. не имея четкой стратегии и концепции внешней политики, - именно такое мнение разделяют практически все известные исследователи проблем современной Турции (Баскын Оран, Зия Ониш, Бюлент Арас, Кемаль Карпат). Однако наиболее остро эту проблему обозначил известный турецкий политолог Мустафа Айдын. По его словам, «Турция оказалась не готова к столь стремительным изменениям геополитической картины мира и появлению у своих границ большого количества новых государств. Несмотря на все громкие заявления своих высших чиновников, она так и не смогла стать для них достойным партнером. Причинами этого стали непомерные требования и завышенные ожидания со стороны руководителей

Турции в отношении этих государств. Несмотря на все очевидные успехи и неудачи внешней политики Турции, весь первоначальный период, который охватывает ровно десятилетие, начиная с официального признания Турцией новых независимых государств, можно охарактеризовать, как крушение надежд и ожиданий».

С приходом к власти в Турции партии Справедливости и Развития (ПСР), после парламентских выборов в ноябре 2002 г., внутренняя ситуация претерпела некоторые изменения. Новое руководство страны, ведомое премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом, предложило турецкой общественности программу внутривосточного развития страны, новые принципы и стратегии, которые были положены в основу формирования концепции внешней политики Турции.

Ученые и исследователи проблем развития современной Турции используют различную терминологию в описании внешнеполитического курса правительства ПСР. Одна группа экспертов называют новый курс ПСР «Нео-османизмом», другие определяют его «Ре-исламизацией», третьи группы сходятся во мнении, что более точно современную внешнюю политику Турции следует обозначать «Частичной переориентацией на Восток»

Следует отметить, что с приходом к власти партии Т.Эрдогана на политической арене страны появились новая группа политиков (глава МИД Турции Али Бабаджан, президент турецкой части Кипра Мехмет Али Талат, председатель Парламента Турции Кёксан Топтан...). Однако в данном контексте хотелось бы остановиться на одной из ключевых политических фигур современной Турции - профессоре Ахмеде Давутоглу, главному советнику премьер-министра Турции Т.Эрдогана по вопросам внешней политики. Благодаря его концепции внешней политики, Турция смогла за небольшой временной период (2002-2008 г.) превратиться в серьезного регионального и международного игрока, о чем могут свидетельствовать последние инициативы турецкого руководства: события на Ближнем Востоке, где Турция взяла на себя роль медиатора в примирении сторон и поиска решения арабо-израильского конфликта; на Южном Кавказе, где она выступила с инициативой создания «Платформы Безопасности и Стабильности на Кавказе», после того, как 8 августа 2008 г. разразился грузино-югоосетинский конфликт, превратившийся позже, с одной стороны, в войну между Россией и Грузией, а с другой, информационную войну России и Запада; на Кипре, где впервые, после неудачного плана бывшего Генерального секретаря ООН К.Аннана, появилась реальная возможность разрешения кипрского вопроса мирным путем.

В своей книге под названием «Стратегическая глубина» (Stratejik Derinlik) А.Давутоглу детально анализирует потенциальную историческую и географическую «глубину» Турции, а также предлагает обратить внимание на новые подходы к парадигме турецкой внешней политики, которая преобразует роль Турции из того, чтобы быть страной «крыла» (kanatke) периода холодной войны, к тому, чтобы постепенно стать «центральным государством» (merkezilke), и, наконец, достигнуть положения «глобального актора».

Литература

1. Интервью Министра Иностранных Дел России С.Лаврова.// Московские Новости., 03.03.2006
2. Мукиджанова Р.М. «Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики». М., 2005
3. В.В.Путин «Послание Федеральному Собранию Российской Федерации», 25.04.2005
4. M.Aydın. «Türkiyenin Avrasya Macerası 1989-2006», Ankara 2007
5. A.Sözen. «A Paradigmatic Shift: New Principles of Turkish Foreign Policy Making», Levkoşa 2008

Конфликты в Африке как дестабилизирующий фактор мирового развития

Верецагина Оксана Олеговна

студентка

Институт АТусО Евразийской Академии (Республика Казахстан)

Африка прочно занимает первое место среди наиболее «конфликтогенных» и нестабильных регионов мира. Многие ее государства десятилетиями фактически пребывают в состоянии гражданской войны. Противостоят друг другу племена, расы и религии, города и регионы [1, с.23]. Реалии Африки – это недееспособные государства, границы которых были произвольно проведены колонизаторами. В Африке тлеет масса конфликтов. Главная их причина – **контроль над ресурсами**, способными обеспечивать финансовую состоятельность неэффективных правителей. Где в Африке в последние десятилетия фиксировались конфликты, в которые были вовлечены несколько государств? В Анголе, Намибии, Сьерра-Леоне, вокруг Руанды. Какова причина многих их них? Борьба за контроль над регионами добычи алмазов и золота. Захват этих территорий, как и сотни лет назад, рассматривается в качестве простейшего способа обогащения. Для реализации этого способа есть не только желание, но и возможности. В Анголе, Руанде, Эфиопии и других странах гражданские войны, закончившись, оставляли без дела целые армии, которые сейчас могут быть использованы в сопредельных регионах.

Немаловажную роль играет **этнический фактор**. Этнографы выделяют на этом континенте 300-500 народов (этносов). Как правило, крупные многомиллионные народы уже сложились в нации, а некоторые малочисленные еще сохраняют архаичные формы социальных отношений. Сильное воздействие на процессы этнического объединения оказывает урбанизация, поскольку именно городская среда открывает наибольший простор для межэтнических связей [2, с.60]. Особенно осложняет межэтнические отношения в Африке доставшееся ей в наследство от прошлого несоответствие политических и этнических границ, в результате которого многие крупные этносы оказались раздробленными на мелкие части.

Немалое значение имеют и причины **религиозного характера**. Ведь в Африке две мировые религии — ислам (2/5 всех верующих) и христианство (1/5) — во многих районах причудливо переплетаются с разнообразными местными религиями. Все это, в особенности с учетом усилившегося в последнее время исламского фундаментализма и экстремизма, еще обостряет возникающие конфликты, превращая некоторые из них в этноконфессиональные [3, с.8].

Во всех африканских странах, где уже многие годы идут гражданские войны, их возникновению предшествовали **грубые политические ошибки** правящих режимов, принимавших важные решения, касавшиеся коренных интересов определенных регионов, этнических и религиозных групп или всего населения без консультации с заинтересованной стороной, как правило, вопреки их воле и желанию. При этом принимаемые сверху решения проводились в жизнь репрессивными средствами, не допуская никаких политических компромиссов. Такая политика неизбежно встречала адекватную реакцию со стороны дискриминируемых групп населения [4, с.19].

Также одной из основных причин нестабильности и конфликтов на Африканском континенте является **бедность** как результат слабого экономического и политического развития. Внутренняя экономическая политика стала причиной внешней зависимости африканских стран, а их политические системы находятся под влиянием таких отрицательных явлений, как коррупция, слабые и контролируемые институты, бездействие, родственник протекционизм и т.д.

Свою роль в жизни африканских стран сыграл такой процесс как **глобализация**. Первые признаки глобализации, коснувшиеся Африки, имели жесткие черты

колониализма, когда приобщение к западным моделям исторического прогресса сопровождалось работорговлей, подрывающей демографическое равновесие, христианизацией, подавляющей африканский менталитет, и «вестернизацией», разрушающей африканскую культуру. Последовавшее затем вовлечение африканских стран в мировое хозяйство за счет внедрения экспортных культур и интенсификации добычи полезных ископаемых стало началом реального распространения глобализации на Африку [5, с.365-366]. Следует отметить тот факт, что Африка больше других регионов мира проиграла в процессе глобализации. Ее доля в мировой торговле и инвестициях сократилась до ничтожных величин. Африканские товары первичного сектора экономики составляют 76% экспорта. Доля Африки в прямых иностранных инвестициях составляет менее 1%. Во всех ее сферах она занимает маргинальное положение, усиливается ее геополитическая и дипломатическая изоляция [6, с.68].

* * *

В одиночку африканским странам не справиться с тем конфликтно-генным состоянием, в котором они пребывают не одно десятилетие. Международное сообщество не должно закрывать глаза на проблемы этого региона. Особенно важную роль способны сыграть в этом международные организации, обладающие легитимными правами проводников политической воли международного сообщества, столь необходимой для укрепления мира и безопасности в планетарном масштабе.

Но полагаться на деятельность международных органов в разрешении насущных задач без участия самой Африки было бы, по меньшей мере, наивно. К сожалению, в период становления государственности Африка, как ни парадоксально, извлекала выгоду из существующего международного положения. В эпоху «холодной войны» африканские страны получали от бывшего Советского Союза большую помощь в военной, экономической и культурной областях. Тем более парадоксально, что после окончания «холодной войны» африканские страны по-прежнему не могут стать хозяевами своей судьбы. Парадоксально и то, что некоторые все-ещё рассуждают о попечителях, опекунах и новых мандатах. Однако время нельзя повернуть вспять. Сегодня странам Африки необходимо прилагать совместные усилия на региональном и международном уровнях [7, с.67]. Ключом к укреплению государственности служит национальное примирение. Без политической стабильности африканские страны не смогут осуществить стратегию в области развития. Следовательно, укрепление мира является приоритетным направлением в региональной и международной деятельности.

В настоящее время Африка является достаточно слабой. Но все человечество выиграло бы в будущем, выиграло бы на благо своего процветания, если бы Африка как можно скорее смогла найти свой путь развития [8, с.15].

Литература:

1. Касаткин Д. «Черный континент» в XXI веке.// Азия и Африка. 2005 № 9.
2. Громова О.Б.; Потемкин Ю.И. Африка: трудовой потенциал и проблема избыточного населения.// Восток. 2005 № 5.
3. Африка и Петербургский саммит.// Азия и Африка. 2006 № 10.
4. Комар Ю. И. Конфликты в Африке. Попытки типологии. М, 1996 г.
5. Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. М, 2002 г.
6. Ругумаму С.М. Глобализация и будущее Африки: к структурной стабильности, интеграции и устойчивому развитию.// РЖ. Востоковедение и африканистика. 2003 № 1.
7. Шубин В.Г. Юг Африки: соперничество сверхдержав или освободительная борьба.// Восток. 2003 № 2.
8. Африка-континент конфликтов и надежд.//Международная жизнь 2000 № 6.

Понятие «гражданское общество» и китайский общественный идеал (XX в.)**Мартынов Дмитрий Евгеньевич**

преподаватель

Казанский государственный университет

Термин «гражданское общество» широко применяется западными синологами и исследователями политической истории Китая у себя на родине. Западные общественные науки оперируют идеалом «гражданского общества», основанным на универсальном концепте прав человека. Данные категории рассматриваются как универсальные, несмотря на то, что исходят в основе своей из христианской системы ценностей. Интеллектуальный мир Китая до сих пор серьёзно не рассматривал ни одного из этих вопросов, поэтому в академических аудиториях Китая термин «гражданское общество» используется для анализа прошлого этой страны (Мецгер, 1977).

Рассматривая эволюцию идеологических систем в Китае (равно КНР и Китайской республике), можно выявить главную тенденцию: сменяющие друг друга у кормила власти китайские элиты неизменно заявляли, что целью развития страны является Великое единение (кит. *Да тун* 大同; нем. *Gemeinschaft*). Великое единение как высшая форма общественного устройства управляется универсальными стандартами «принципа» (*ли* 理) и «этики» (*даодэ* 道德), общество при этом не зависит от непредсказуемых побуждений конкурирующих индивидов. Когда современные китайские идеологи провозгласили первичность свободы, плюрализма и открытости, они заявили, что эти ценности совместимы с «этикой» и «принципом», и по этой причине частная собственность не приведёт к экономическому неравенству, а демократия не будет страдать от «махинаций политиканов». Таким образом, идейная конкуренция не привела к слому тотального морально-интеллектуального регулирования общества в целом, унаследованного от конфуцианства (Мецгер, 1995).

Китайская интеллигенция увлечена идеей «управления при помощи закона» (*и фа* 以法), но её представители совершенно отчётливо идентифицировали законность с «правосудием», понимаемым абсолютно. Законность в современном Китае отождествляется с тезисом: «самый дурной закон – тоже закон» (*э фа – е фа* 惡法也法)¹. Этот тезис восходит к конфуцианской максиме: «Когда не занимаешь соответствующего поста, не помышляй и о соответствующих ему делах управления» (不在其位, 不謀其政) (Конфуций, 2001).

В основе данной парадигмы лежит традиционное различие между «обывателем» и «культурным человеком». Интеллигенция воспринимается как воплощённая совесть общества, её статус основывается на внедрённой традицией вере в упорядочивающую роль государства (Мецгер, 1995). Агентом политического действия является не обыватель, чьи интересы не выходят за пределы обогащения, а только беспорочный «сверхчеловек» (*цзюнь-цзы* 君子), готовый вести за собой общество, или, по крайней мере, близкий к его «нервным центрам» (Ду Вэй-мин, 1989). Традиционное обозначение для рядовых членов общества – *минь* (民) не является этически нейтральным. На первый план здесь выносятся нравственное предпочтение «людям Неба» (*тянь минь* 天民),

---

¹ Иероглиф *э* 惡 (полная форма 惡) имеет выражено негативную коннотацию. Основные значения «порок, недостаток, недуг, рана, хворь, оплошность, моча и кал, экскременты».

которые действуют как «глаза и уши» Неба, поддерживая просвещённую элиту (она первой познала *Дао* 道), также они сдерживают нравственно ущербные массы, выступая в качестве барьера между ней и элитой (Мецгер, 1995).

В современном Китае «гражданское общество» рассматривается как пока ещё недостижимый идеал, утопическое *Gemeinschaft*, свободное от «эгоизма», в котором отношения характеризуются «искренностью». В этом обществе не будет «рамков, ограничивающих индивидуальные желания» (*шу фу* 受敷), не будет «эксплуатации» (*бо сюэ* 剝削), не будет любых видов конфликта или отчуждения (*гэ хэ* 隔合), не будет любых форм «идеологической разделённости» (*фэнь юнь* 分允). Это и будет *Да тун* (大同) – Великое Единение. Это понятие обозначает позитивную во всех отношениях взаимозависимость, включающую решение всех доктринальных различий (*хуй тун* 会同) и полное стирание противоречий между личностью и мирозданием (*тянь жэнь хэ и* 天人合一) (Мецгер, 1978). В гармоническом обществе граждане договариваются не только о процедурах урегулирования споров, но также и о вопросах глобального права и любых общественных несправедливостей (*жэнь тун цы синь, синь тун цы ли* 人同此心, 心同此理).

Учитывая столь утопическую ретро- и перспективу, оказалось сложным выразить на китайском языке понятие «политическая культура». Главный термин, описывающий поведение человека вне круга семьи – *гун дэ* (公德, «общие моральные принципы», «гражданские добродетели», «нормы поведения в обществе», «чувство справедливости», «заслуги и добродетели»), обозначает также абсолютную этику. Сходную коннотацию имеет термин «гражданское общество»: *гунминь шэхуй* (公民社会).

Литература

1. Ду Вэй-мин (1989). *Ду Вэй-мин* (杜维明). Жуцзя ди саныци фачжань дэ цянъцин вэньти 儒學第三期發展的前景問題 = Reflections on the Dawning of the Third Period in the Development of Confucian Learning. Тайбэй: Лянъцин чубань шиэ гунсы, 1989.
2. Конфуций (2001). *Конфуций*. Беседы и суждения. Изд. 2-е. СПб., 2001.
3. Мецгер (1977). *Thomas A. Metzger*. *Escape from Predicament*. – N.Y.: Columbia Univ. Press, 1977.
4. Мецгер (1978). *Thomas A. Metzger*. *An Historical Perspective on Mainland China's Current Ideological Crisis // Proceedings of the Seventh Sino-American Conference on Mainland China*. Taipei, 1978. IV:2:1 – IV:2:17.
5. Мецгер (1995). *Thomas A. Metzger*. *Modern Chinese Utopianism and the Western Concept of the Civil Society // 郭廷以先生九秩誕辰紀念論文集 = Papers Commemorating the Ninetieth Birthday of Prof. Kuo Ting-ye*. Taipei: Institute of Modern History, Academia Sinica, 1995. Vol. 2. P. 273 – 312.

Политика реформы и открытости как фактор формирования новых социальных групп в КНР (1992-2008 гг.)

Домашнева Елена Константиновна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

С 1978 года начинается новый этап в политической и экономической истории КНР, основной чертой которого является претворение в жизнь «политики реформы и открытости», объявленной Дэн Сяопином. Основной целью этой политики было восстановление страны после таких политических авантюр Мао Цзэдуна, как «большой скачок» и «великая пролетарская культурная революция», которые привели страну к кризисному состоянию.

До начала политики реформ китайское общество состояло из двух основных классов – рабочего класса и крестьянства, также из малочисленной прослойки интеллигенции. Однако политика, проводимая китайским руководством в социальной сфере, привела к усложнению стратификации китайского общества; уже сегодня можно выделить новые социальные группы, появление которых явилось следствием проводимых реформ.

Отход от главенства плановой экономики, и пересмотр отношения к частной собственности привели к появлению так называемых «новых китайцев» - людей занятых в частном бизнесе. На XVI съезде КПК в 2002 г. Цзян Цзэминь обозначил эту новую группу как «появившиеся в процессе социальных перемен предприниматели и техперсонал негосударственных научно-технических предприятий, управленческий и технический персонал, работающий по контракту на предприятиях иностранного капитала, индивидуальные хозяева, частные предприниматели, лица, занятые в посреднических организациях, лица свободных профессий и другие слои общества»¹.

Среди различных направлений «политики реформ и открытости» отдельно можно отметить налаживание связей с зарубежными китайцами, так называемыми хуацяо, создание для них благоприятного инвестиционного климата в Китае, привлечение их самих на историческую Родину. Это уже привело к заметным результатам – в последние десятилетия начался процесс обратной эмиграции из-за рубежа в Китай. Большое социальное значение и значительный масштаб этого процесса можно подтвердить тем, что в современном китайском языке появился термин «хайгуй» («haigui»)- «вернувшиеся из-за моря».

В качестве специфического класса китайского общества можно выделить и представителей китайской зарубежной диаспоры, с которыми, как было сказано выше, во время политики реформы и открытости стали активно налаживаться связи. Несмотря на то, что фактически они не проживают на территории Китая и чаще всего не имеют китайского гражданства, их влияние на экономическую, политическую и социальную жизнь страны не может быть недооценено.

Подводя итог, отметим, что правительство КНР проделало большую и весьма эффективную работу по созданию условий для появления в Китае нового социального слоя, который формируют как бывшие госслужащие и партийные функционеры, так и людей, которые "сделали себя сами" – то есть начали строить свою карьеру «с нуля» и добились значительных успехов в своей сфере, как в Китае, так и за рубежом. Отдельного внимания заслуживают и китайские студенты, обучающиеся за границей, и выпускники вузов, находящиеся в данный момент в поиске работы. Очевидно, что всех

---

¹ Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК // http://russian.china.org.cn/news/txt/2002-11/19/content_2050838.htm/

этих людей нельзя рассматривать в рамках единой и однородной социальной группы. Однако можно утверждать, что именно формирующиеся на современном этапе новые слои общества во многом определяют будущий курс развития китайского общества, как в социальном, так и в экономическом и политическом плане. Сегодня в Китае активно идет процесс обновления элиты, представители которой выдвигаются в эту социальную группу на новых основаниях, прежде всего, интеллектуальных, а также финансовых. При этом можно с уверенностью утверждать об ее вполне лояльном отношении к политическому устройству Китая. Можно также предположить, что заявленный КПК курс на «построение гармоничного социалистического общества» сосредоточит значительные усилия на поступательном развитии процесса. В заключение отметим, что в поиске путей социального развития Россия могла бы учитывать и по возможности применять на практике удачный опыт своего восточного соседа.

Литература

1. «Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978-2002 гг.)», *под ред. Э.П.Пивоваровой*, М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2004
2. «Формирование рынка рабочей силы в КНР» *А.В. Островский* М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2003
3. «Comparative politics today. A world view», *Gabriel A. Almond, G. Bingham Powell, Jr.* – 2-е издание, - 1988 г.
4. Конституция КНР // http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-06/14/content_6310_3.htm
5. «Общая социология», *С.С. Фролов*, М.: Проспект, 2008
6. Ежемесячный журнал «Китай»
7. Китайский информационный Интернет-центр // <http://russian.china.org.cn/>
8. The New York Times // <http://nytimes.com/>
9. Beijing Review // <http://www.bjreview.com.cn/>
10. Информационное агентство Синьхуа // <http://xinhuanet.com/>
11. Газета «Женьминь жибао» он-лайн // <http://people.com.cn/>

Позиция Казахстана в вопросе транзита каспийских энергоресурсов

Коломойцева Анна Юрьевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Развитие и диверсификация экспортного потенциала входит в число основных целей внешнеэкономической политики Казахстана. В этой связи большое значение имеет решение правовых, финансовых, организационных и иных вопросов, связанных с транспортировкой нефти и газа из Прикаспийской впадины на мировые рынки, особенно, если учесть, что энергетические ресурсы являются пятым приоритетом РК, записанными в стратегии «Казахстан -2030».

Казахстан как внутриконтинентальная страна вынужден использовать территории других стран для вывода своих углеводородных ресурсов на мировые рынки. Традиционно основным транзитёром казахстанских нефти и газа является Россия. Большая часть нефтегазового экспорта страны идет маршрутами через российскую территорию. Однако в последнее время руководство РК расширяет круг направлений для экспорта углеводородного сырья. Так, в январе 2007 г. Азербайджан и Казахстан подписали меморандум, а в ноябре 2008 г. - Соглашение о создании Казахстанской каспийской системы транспортировки нефти (ККСТ); данная система предполагает создание дополнительной инфраструктуры на территории Казахстана, которая позволит направлять часть нефти и газа морем для перевалки в Основной экспортный трубопровод Баку–Тбилиси–Джейхан. Это вызывало негативный отклик со стороны РФ,

апеллирующей экологическими рисками от возможных аварий в уязвимой акватории Каспия.

События газового кризиса в российско-украинских отношениях, отрицательно повлиявшие на страны Восточной Европы в январе 2009 г., также вызвали к жизни старый проект газопровода Набукко, который должен поставлять газ Европе. Согласно этому проекту, Казахстан сможет направлять карачаганкскую газ для перекачки по этому трубопроводу. Однако вопрос создания газопровода Набукко потребует много времени и капиталовложений, это проект - весьма долгосрочная перспектива.

Кроме указанных направлений на Европу у Казахстана имеются договоренности и с Китаем. Китайско-казахстанский нефтепровод как первый транснациональный нефтепровод был сдан в коммерческую эксплуатацию 25 июля 2006 г. Эксплуатация нефтепровода Казахстан-Китай позволяет увеличить экспортный потенциал Казахстана - по предварительным данным, мощность нефтепровода может составить до 50 миллионов тонн нефти в год.

Таким образом, Казахстан активно расширяет векторы энергетической политики, связывая с ней основные стимулы для развития государственной экономики. Стремясь выйти на новые рынки посредством новых маршрутов, руководство страны также сохраняет и традиционные варианты.

Литература

1. Борисова Е.А. Казахстан: президент и внешняя политика. М., 2005
2. Медведев Р. Казахстанский прорыв. М., 2007
3. Новый Казахстан в новом мире. Текст выступления президента РК Н.А. Назарбаева. Астана 28 февраля 2007 г.
4. Эжиев И.Б. Геополитика каспийского региона. М., 2007
5. www.ngv.ru

Самоубийство в японском обществе как социологический феномен (комплексный подход)

Мисюра Андрей Владимирович

студент

Белорусский Государственный университет

Введение

Одной из острейших социальных проблем современной Японии является стабильно высокий уровень суицида. В среднем за год на Японских островах происходит около 32 000 самоубийств. По данным ВОЗ, в 2000 г. Япония заняла второе место в мире по количеству самоубийств, уступив только России, с показателем 24,1 на 100 000 человек. В 2007 г. «Страна восходящего солнца» опустилась на девятое место в списке, хотя данный показатель в целом остался практически на прежнем уровне.

Суицидальная ситуация в Японском обществе коренным образом отличается от положения в других странах «первой десятки» списка ВОЗ по многим причинам. Во-первых, Япония имеет национальные особенности суицида, характеризующиеся разнообразием форм самоубийства. Так выделяют коллективное самоубийство при содействии интернет-сайтов (нетто-дзисацу); воспетое в многочисленных классических произведениях самоубийство влюбленных по предварительному сговору (дзёси); семейное самоубийство (икка-синдзю); самоубийство с детьми (ояко-синдзю) и т.д. Также в Японии чрезвычайно высок процент подросткового суицида. Кроме того, японские исследователи обращают внимание на высокий уровень кластерных самоубийств («синдром Вертера»). Все эти особенности требуют комплексного научного объяснения.

Социальный аспект

Французский социолог Э. Дюркгейм в своей работе «Самоубийство» (1897) определил суицид как явление социальное и выделил ряд закономерностей (военные убивают себя чаще, чем гражданские лица; чем больше степень корпоративной сплочённости общества, тем меньше количество самоубийств и т.д.), которые были протестированы нами на основе официальной японской статистики по данным за 2008 г.

Оказалось, что из девяти рассмотренных закономерностей для Японии характерны лишь четыре. Проверив истинность утверждений французского социолога для других стран, мы получили положительный результат и смогли объяснить суицидальную ситуацию ещё в двух случаях (Россия и Швеция). В отличие от Японии, подавляющее большинство закономерностей в европейском регионе сохраняются и суицидальная ситуация поддаётся объяснению с чисто социологических позиций. Следовательно, проблема суицида в Японии носит комплексный социо-культурный характер.

Культурный аспект

Девять из десяти стран-лидеров списка ВОЗ 2007 г. постсоветские, либо бывшие страны Варшавского блока. Высокий уровень суицида там поддаётся объяснению с чисто социологических позиций: сегодняшнее состояние общества в Литве, Беларуси, России и других странах-лидерах подходит под определение «аномия» Э. Дюркгейма (от фр. *anomie* – «отсутствие организации») – состояние общества, характеризующееся потерей либо дезориентацией системы ценностей, обеспечивающих стабильность социальной структуры.

Многие японские социологи и культурологи отмечают культурную аномию, выражающуюся в проникновении в общество западных ценностей и вытеснении ими традиционных, в качестве основного суицидообразующего фактора. Однако анализ статистики опровергает подобное утверждение. Аномию можно рассмотреть на примере России, где наблюдается резкий скачок числа самоубийств в момент её наступления (90-е гг.) с последующим медленным спадом, что не соответствует ситуации в Японии. Следовательно, состояние японского общества аномией не является.

Дюркгейм, рассматривая европейские страны, отмечал подражание как фактор, не играющий ключевой роли в отношении самоубийств. Однако в Японии особое отношение к смерти в сочетании с коллективистской природой японской культуры приводит к высокому числу коллективных и кластерных (под влиянием подражания) самоубийств. Ключевая установка японского общества – «смерть лучше позора», находит выражение в таких понятиях как «бусидо» (кодекс воинской чести) и «яматодамасий» (проявление «японского духа»). В частности, трактовка высокого числа самоубийств у подростков также имеет подобную природу. Таким образом, ключевая особенность японского социума заключается в обострённом чувстве «стыда». Именно этим объясняется самоубийство по убеждению (канси) и самоубийство из-за чувства ответственности (инсэки-дзисацу).

С другой стороны, самоубийство влюблённых можно объяснить эстетизацией смерти в японской культуре. В традиционной литературе «синдзю» (самоубийство близких друг другу людей по предварительному соглашению) воспевается как образец истинно красивой смерти. Самоубийство вместе с детьми или самоубийство всей семьи объясняется особым понятием о родительском долге (гири): слишком жестоко оставлять своего ребёнка в этом мире, если сам уходишь из него. Хотя жёсткость японского социального каркаса, «эскалаторная» карьерная система и «экзаменационный ад» японских школьников и являются реальными социальными предпосылками суицидального поведения, без воздействия культурного фактора они не привели бы к столь странной, с европейской точки зрения, ситуации.

Психофизиологический фактор

Можно выделить ещё одну, более позднюю по сравнению с социологической концепцию, которая могла бы объяснить суицидальное поведение. Речь идет о так называемой серотониновой гипотезе, сущность которой состоит в том, что при нехватке в организме данного нейромедиатора человек начинает испытывать депрессию и апатию, приводящие к самоубийству. Однако именно японский образ питания медики называют «серотониновой диетой»: основа национального рациона – рис и морепродукты, способствуют выработке данного гормона в значительных дозах. Следовательно, следует говорить скорее о переизбытке содержания серотонина в крови японцев.

Тем не менее, открытие новых свойств этого «гормона радости» может объяснить связь серотонина с высоким уровнем самоубийств в Японии. Согласно данным совместных исследований английских и американских учёных, серотонин также отвечает за чувство справедливости и следование социальным нормам. Данный факт связывает серотониновую теорию с теорией фенотоза (запрограммированной гибели индивида) академика Скулачёва: стабильно высокий уровень самоубийств в Японии объясняется тем, что популяция избавляется от неполноценного с точки зрения её социальных норм генетического материала. При этом главным регулятором подобного поведения является серотонин, а культурные традиции лишь усиливают подобную тенденцию.

Таким образом, вполне оправдано предположение о повышенной склонности японцев к фенотозу, что могло бы комплексно объяснить сложившуюся суицидальную ситуацию в Японии.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1992.
2. Foreign Press Center Japan, Facts and Figures of Japan 2008, Tokyo, 2008.
3. <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm>
4. <http://web.archive.org/web/20050404201922/www.mysuicide.ru/litera/>
5. В.П. Скулачев Фенотоз, или Запрограммированная смерть организма. М.: «Химия и жизнь» №3, 2005.
6. Спесивовский А.Б. Самураи - военное сословие Японии. М.: Наука, 1981.

Внутренняя регионализация Китая в условиях построения «гармоничного социалистического общества» как фактор устойчивого развития

Озорнина Анна Сергеевна

аспирантка

Читинский государственный университет

Процесс глобализации, происходящий в мире, представляющий собой современный этап развития человечества, характеризующийся ускоряющимися процессами становления нового мирового порядка; ростом взаимодействия и взаимозависимости стран в области экономики, культуры, информации, технологий; увеличением разрыва в развитии между отдельными регионами; гомогенизацией и универсализацией мира создает определенные вызовы и угрозы долговременному устойчивому развитию Китая.

Глобализационные процессы требуют от Китая преобразований в различных сферах экономической, политической, социальной, культурной жизни. В то же время любое реформирование сопровождается повышенными рисками. Социально-политические и экономические преобразования неизбежно дестабилизируют ситуацию, приводя или к стабилизации системы на новом, более высоком уровне, или к ее распаду

и деградации. Таким образом, сегодня в КНР появляются главные факторы нестабильности, среди которых необходимо отметить безработицу, коррупцию, разрыв между богатыми и бедными, а также между регионами, городом и деревней, чрезмерное финансовое бремя жителей деревни и т.д.

Ответом на старые и новые социальные противоречия, возникающие вследствие участия Китая в процессах глобализации, стало выдвижение преимущественно новой концепции дальнейшего развития китайского государства - концепции «гармоничного социалистического общества», которая призвана найти оптимальный баланс между демократизацией общественного управления и поддержанием общественно-политической стабильности и законности при сохранении власти КПК. Основными целями проведения данного курса, в кратком их содержании, являются: построение правового государства, разрешение социальных противоречий с целью достижения «равенства и справедливости», гармонизация отношений в обществе, развитие творческих инноваций, «гармония человека и природы».

Концепция построения «гармоничного социалистического общества» является продолжением идеи сбалансированного развития, которая была сформулирована в 2003 г. с введением в официальный оборот курса «единого планирования» пяти сфер, в последующем трансформированного в «научную концепцию» развития страны. Одним из направлений данного курса является политика сбалансированного и гармоничного развития регионов страны. По нашему мнению, данная политика является предпосылкой развития внутренней регионализации Китая, которая в настоящее время находится на первоначальном этапе ее развития.

С точки зрения системной теории самоорганизации регионализация Китая – естественно-исторический процесс и осуществляется в двух формах: внутренняя регионализация и внешняя регионализация. Внешняя форма предполагает формирование трансграничных геополитических и геоэкономических подсистем регионов и блоков стран или ассоциаций в единый «китайский регион». Внутренняя регионализация Китая представляет собой выделение внутри государства самостоятельных социально-экономических и политических субъектов, обладающих собственными конкретными ресурсами и социально-экономическими, культурно-цивилизационными преимуществами, необходимыми для противостояния разрушительным тенденциям глобализации и обеспечения устойчивого развития «китайского региона» в целом.

На наш взгляд, следует выделить шесть «внутренних регионов» Китая, которые являются объектами процесса внутренней регионализации, происходящего в условиях построения «гармоничного социалистического общества»: Северо-Восточный, Северный, Восточный, Центральный, Южный и Северо-Западный регионы. Данное разделение основано на том факте, что Китай отличается географической гетерогенностью, неравномерностью распределения природных ресурсов, промышленных и модернизационных потенциалов. Таким образом, вышеперечисленные регионы относятся к промышленным, аграрным, ресурсообеспеченным или приграничным, и каждый из них обладает собственными особенностями, которые необходимо учитывать при проведении политики сбалансированного развития.

Как известно, в годы реформ концентрация грандиозных финансовых и материальных средств на ограниченной территории, прежде всего в Восточном и Южном Китае привело к ограниченному развитию остальных регионов страны, Центральных и Северо-Западных. В результате сложилась их глубокая социально-экономическая дифференциация. В последние годы темпы увеличения различий в уровне развития регионов несколько сократились, но в абсолютном выражении эти различия продолжают возрастать. Таким образом, сегодня мы не можем отнести данные регионы к самостоятельным в своем развитии, т.к. они все еще зависимы друг от друга

во многих аспектах. Соответственно, дестабилизация ситуации в одном регионе может привести к дестабилизации в другом, что может отрицательно сказаться на дальнейшем продвижении Китая к числу мировых лидеров.

Реализация концепции «гармоничного общества» предполагает преобразование существующей дуалистической экономической структуры и фактической раздробленности в централизованную систему единого государственного планирования развития регионов страны и согласования социально-экономических программ. Поэтому, именно проведение политики сбалансированного регионального развития в рамках курса построения «гармоничного социалистического общества» должно способствовать в дальнейшем позиционированию внутренних регионов страны как самодостаточных в своем развитии субъектов уже сформировавшегося «китайского региона», вследствие чего, внутренняя регионализация Китая сможет выйти на более высокий уровень в обеспечении устойчивого развития государства в условиях глобализации.

Литература

1. Абрамов В.А., Феоктистов В.М., Чашин В.В. (2006) Глобализация и регионализация в контексте проблем национальной безопасности // Вестник МАНЭБ. Том 11, №5.
2. Кучинская Т.Н. (2007) Процессы политических изменений глобализирующегося «китайского региона»: дис. ... канд. полит. наук / ЧитГУ, 2007.
3. Михеев, В.В. (2005) Китайская головоломка // Pro et contra. 2005, ноябрь-декабрь.
4. Подолько Е. (2007) 17-й съезд КПК: укрепление власти и кадровые перестановки // Политический журнал. 2007, 29 октября.
5. Портяков В. (2008) Китай уточняет курс. (К итогам 17-го съезда КПК) [Текст] // Азия и Африка сегодня. 2008, №3.
6. Гоуцзянь шэ хуэйчжуи хэсе шэ хуэй вэньда (Изучение построения гармоничного социалистического общества в вопросах и ответах). Пекин.: Жэньминь чбаньшэ, 2005.
7. У Цзюньцзэ, Чжан Хун (2005) Чжунго гоуцзянь хэсе шэ хуэй вэньти баогао (21 шицзи Чжунго фачжань вэньти баогао цуньшу) (Доклад о проблемах построения гармоничного общества в Китае) (Серия докладов о проблемах развития Китая в 21 веке). Пекин.: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2005.
9. <http://ells.pstu.ru/shevcova.htm>. Шевцова И.К. Региональные элиты России и Европейского Союза: различия в трактовке процессов регионализации.

Кастеизм на местном уровне как одна из проблем современной Индии (на примере штата Тамилнад)

Родивилова Дарья Александровна

преподаватель

Липецкий государственный педагогический университет

Тамилнад («Земля тамиллов») – так был назван в 1970 г. штат Мадрас, образованный в 1956 г. на основе существовавшего в колониальный период обширного Мадрасского президентства, от которого к соседним штатам – Андхра Прадешу, Карнатаке, Керале – отошли территории, заселенные преимущественно телугу, каннада, малаяли. Население Тамилнада на 2001 г. составляло 62,4 млн. человек [1, 43]. Это экономически самый мощный южный штат, один из крупнейших и наиболее развитых в масштабах всей страны.

Специфика кастового состава и особенности исторического развития предопределили большую роль касты в политической жизни Тамилнада. В штате доля зарегистрированных каст (бывшие «неприкасаемые», или далиты) и «прочих отсталых классов» (средние касты, которые являются отсталыми в экономическом и

образовательном плане) в населении выше, чем в среднем по Индии, доля же брахманов существенно ниже.

После того как в 1994 г. был утвержден пересмотренный закон о панчаятах (органах сельского самоуправления) Тамилнада и в 1996 г. уже прошли в соответствии с ним первые выборы в местные органы власти, кастовые индусы начали борьбу с резервированием для далитов в панчаятах. Когда стало понятно, что отменить это не удастся, кастовые индусы начали создавать далитам всяческие препятствия. Чем больше утверждаются в своих правах далиты, тем сильнее сопротивление со стороны кастовых индусов. А. Бетейл писал, что «конфликты между кастовыми индусами и далитами в деревенских панчаятах – это реакция на многочисленные уступки правительства далитам» [2, 113].

Есть разные способы не допустить далитов до управления. Так, «Фронтлайн» сообщал, что примечательной чертой выборов 2001 г. стал своеобразный «аукцион» должностей глав сельских панчаятов, как указывалось, для «избежания конфликтов» [4]. Должность получал тот, кто предлагал наибольшую сумму. В других деревнях просто объявляли фиксированную цену данной должности, и ее получал тот, кто выплачивал деньги. Далитам в таких случаях стать главой панчаята было просто «не по карману». В некоторых деревнях, где пост главы панчаята был зарезервирован для далитов, кастовые индусы давали необходимую сумму какому-либо далиту, который выставлял свою кандидатуру на выборах [4]. Соответственно, остальные далиты уже не могли с ним конкурировать, и проигрывали на этом «аукционе». Безусловно, этот глава панчаята руководил лишь фиктивно, по сути, был «марионеткой» в руках кастовых индусов, которые и принимали все решения. Обозреватель «Фронтлайн» С. Висванатхан писал, что этому далиту вручили «корону с шипами» [4]. В деревне Ситхампатти (дистрикт Мадурай) далиты подверглись нападению из-за того, что женщина-далит намеревалась выдвинуть свою кандидатуру, несмотря на запрет кастовых индусов, которые уже продали пост главы панчаята своему выдвиженцу за 4000 рупий [5].

Если же в деревне решили не прибегать к финансовому решению вопроса, но в то же время пост главы панчаята зарезервирован за далитами, и кастовые индусы не желают подчиняться бывшему «неприкасаемому», они могли выбрать среди далитов наиболее лояльного к ним кандидата и поддержать его кандидатуру. «Фронтлайн» сообщил, что «в одной из деревень в дистрикте Канчипурам сельскохозяйственный рабочий-далит стал главой панчаята, его работодатель – землевладелец, кастовый индус, – заместителем» [4].

Но это «мирные» методы борьбы. Гораздо чаще «чистые» индусы прибегают к насилию. В деревне Маруккалампатти (дистрикт Дхармапури) далит отказался снять свою кандидатуру на выборах в местный панчаят, и в день голосования кастовые индусы перехватывали далитов по пути к избирательным участкам и не давали им проголосовать, затем они ворвались в колонию далитов и атаковали ее жителей [5]. Буквально через месяц после того, как бедный сельскохозяйственный рабочий П. Джаггайян, принадлежащий к кастовой общности арунхатъяров, был избран президентом панчаята в деревне Наккаламутханпатти (дистрикт Тирунелвели), его избили до смерти за то, что он отказался выполнить требование вице-президента, кастового индуса, быть президентом только на бумаге, т.е. формально [4].

Итак, несмотря на распространение системы резервирования, представители доминирующих каст в деревнях делают все возможное, чтобы не допустить «бывших неприкасаемых» до управления. Для наиболее консервативно настроенных представителей доминирующих каст невозможна сама мысль о том, что далит будет возглавлять органы местного самоуправления. «Прочие отсталые классы» более последовательны и жестоки в сохранении приниженного положения зарегистрированных каст и племен, нежели представители высших каст. Это связано не

только с тем, что доля высших каст в населении Тамилнада ничтожно мала и их место в деревнях давно заняли доминирующие средние касты. Как известно, наиболее болезненно реагирует на возможную угрозу своему статусу тот, кто обрел его не так давно и ощущает его неполноценность. «Прочие отсталые классы», с одной стороны укрепили свои позиции в результате антибрахманского движения и распространения резервирования, но, с другой стороны, их ритуальный ранг остался прежним. Такой внутренний конфликт – улучшение материального положения, политическая власть и в то же время одно из последних мест в кастовой иерархии – приводит к стремлению любой ценой продемонстрировать свое превосходство. В данном случае далиты – очень удобная мишень, так как только они занимают самые низшие позиции на шкале «чистоты – осквернения». Проблема заключается в том, что ни те, ни другие не могут во всеуслышание оспорить свой ритуальный статус. И те, и другие вынуждены сознательно культивировать свое угнетенное положение, так как это залог получения различных благ – должности на государственной службе и места в вузе – по системе резервирования. При этом получается замкнутый круг – чем лучше социально-экономические условия жизни далитов, тем настойчивее они стремятся получить политическую власть. Соответственно, более ожесточенными становятся конфликты на кастовой почве. Представители «прочих отсталых классов» боятся потерять последнее доказательство своего упрочившегося статуса – запуганных «бывших неприкасаемых».

Литература

1. Индия сегодня [Текст]. – М.: Институт востоковедения РАН, Ариаварта-Пресс, 2005.2. Beteille, A. The Future of the Backward Classes: the Competing Demands of Status and Power [Текст] / A. Beteille // India and Ceylon: Unity and diversity. A symposium. – Oxford university press., 1967.
3. Viswanathan, S. Presidents' Plight [Электронный ресурс] // Frontline. – 2007. – № 9. – Режим доступа: <http://www.frontline.in/>, свободный. – Эл. версия печ. изд.
4. Viswanathan, S. Some Disturbing Trends [Электронный ресурс] // Frontline. – 2001. – № 21. – Режим доступа: <http://www.frontline.in/>, свободный. – Эл. версия печ. изд.
5. Viswanathan, S. Vote and Violence [Электронный ресурс] // Frontline. – 2001. – № 21. – Режим доступа: <http://www.frontline.in/>, свободный. – Эл. версия печ. изд.

Некоторые аспекты демократизации послевоенной Японии

Садиков Роман Викторович

соискатель

Воронежский Государственный Педагогический Университет

Страны Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Океании занимали особое место в военно-блоковых планах США после завершения Второй мировой войны. Правящие круги США были заинтересованы в беспрепятственном использовании природных богатств азиатских стран бассейна Тихого океана. Монополии США получали чрезвычайно высокую норму прибыли, создавшуюся неограниченной эксплуатацией местной рабочей силы¹. Япония рассматривалась в этом списке, как первое государство, ресурсы которого послужат на благо американской нации. Именно поэтому США добивались, чтобы оккупационный режим в Японии проводился под их командованием.

Три Д – демилитаризация японского общества, демократизация политического процесса, децентрализация власти и богатства – знаменовали собой первую фазу оккупации, продолжавшуюся с 1945 по 1947 год².

Администрация Макартура вела активную борьбу против «феодалных пережитков» и имперской власти, которые объявляла причинами слепой агрессии Японии.

Так было прервано традиционное летоисчисление по годам императора (*нэнго*). Другие государственные символы: флаг *хи но мару* и императорский гимн *кими га ё* – также после войны были отвергнуты как символы агрессии и милитаризма. Однако буквально с первых мирных лет развернулась сначала достаточно ограниченная, но постепенно набиравшая силу кампания за их восстановление³.

В самом начале оккупационного периода секретарь Макартура и бывший руководитель отдела психологических операций Пентагона бригадный генерал Боннэр Ф. Феллерс и сам Макартур разработали собственный подход к проведению реформ общественной и политической жизни Японии. Оба сошлись на том, что ответственность за войну лежит целиком на военных кругах страны, а Хирохито и близкие к престолу «умеренные» оказались просто обманутыми. Император продолжал пользоваться доверием своих подданных, и оккупационные власти должны были использовать это доверие в своих интересах.

Ставя перед собой задачу, обеспечить полный контроль над настроениями и поведением населения, командование оккупационных сил решило сохранить статус Хирохито как духовного лидера японской нации, но при этом снять с императора всякую ответственность за войну, не покушаться на его авторитет и извлечь максимальную пользу из существующей структуры власти. А поскольку генерал Макартур был обязан претворять в жизнь положение Потсдамской декларации, в том числе и те, что требовали наказания за военные преступления, мировому сообществу следовало узнать о невиновности Хирохито еще до того, как союзники утвердят механизм судебного разбирательства дел военных преступников⁴.

С целью ослабления культа императорской власти 1 января 1946 года состоялось его публичное отречение Хирохито от мифа о божественном происхождении правящей императорской династии⁵.

В этот день все японские газеты поместили на своих страницах полный текст первого в истории страны новогоднего обращения императора к нации. Фактически рескрипт готовился в недрах штаб-квартиры оккупационных сил. В написанном туманным классическим языком документе, известном как «декларация человечности», приводилась выдержанная в эгалитаристском духе императора Мэйдзи клятва⁶.

Центральным моментом глубоких общественных преобразований стало принятие новой конституции, которая была введена в действие в 1947 году. Отведя императору роль «символа государства и единства народа», конституция провозгласила народовластие. Вместо прежней политической системы, в которой исполнительная власть, по сути, подчиняла себе законодательную и судебную, вводилось реальное разделение этих трех ветвей власти, необходимое по мнению американцев для эффективного функционирования современного демократического государства. Конституция определила принципы формирования каждой из ветвей власти и взаимоотношений между ними⁷.

Знаменитый «мирный параграф» новой Конституции звучал так:

«Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ навсегда отвергает войну, как суверенное право нации, а также угрозу силой или ее использование как средство разрешения международных споров.

Для достижения цели, содержащейся в предыдущей части, сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другой военный потенциал, никогда не будет создаваться. За государством не признается право на статус воюющей стороны»⁸.

Реакцией на эту статью был острейший испуг у японского конституционного комитета, который предварительно сформировали для разработки новой Конституции Японии.

Неизвестно, кто первый выдвинул идею мирного параграфа – говорит в своей работе Мак-Клейн. Концепция, вероятно, исходила от самого Макартура. Но,

независимо от происхождения идеи, ее присутствие в новом проекте напугало членов конституционного комитета, поскольку ни одно другое государство прежде никогда на уровне основного закона не отказывалась от войны как «суверенного права» нации⁹.

Вместе с тем Макартур торопился перехватить инициативу у распространителей коммунистических и социалистических идей, он опасался: не навяжи он Библию, не заполни учебники новыми формулами, вакуум заполнят коммунисты. Д. Макартур широко открыл двери «американским идеалам». Десять миллионов экземпляров Библии по его просьбе было завезено в Японию, что, по мнению главнокомандующего, означало совершение «величайшей духовной революции, какую только знал мир»¹⁰.

Вместе со Священным писанием на острова хлынула голливудская продукция, американские радиоволны затопили японский эфир, реклама, восхваление всего американского приобрели невиданный размах. Япония превратилась в своего рода лабораторию духовного вторжения в Азию и страны Тихоокеанского бассейна¹¹.

Большое внимание уделялось просвещению, которое наряду со средствами массовой информации являлось наиболее сильным орудием идеологического воздействия на массы, их воспитания в так называемом духе буржуазной демократии. Основная политика оккупационных властей в отношении народного образования была изложена в меморандуме штаба Макарута японскому правительству от 22 октября 1945 года. В нем предусматривалось запрещение культивирования милитаристской и ультраправой идеологии, преподавания военных дисциплин и военного обучения в школах. Указывалось, что воспитание детей должно идти в духе идей представительного правления, мира между народами, достоинства личности и таких основных человеческих прав как свобода собраний, слова, религии. В меморандуме подчеркивалось необходимость проведения проверки персонала всех учебных заведений и отстранения от работы военнослужащих, а также лиц, являвшихся активными приверженцами милитаризма и ультра национализма, выступающих против оккупационной политики американских властей¹².

Литература:

1. Крутских А.В. Американский экспансионизм. М.: «Наука», 1986. с. 479
2. Мак-Клейн Д.Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век. М.: «АСТ», «Астрель», 2006. с. 735
3. Маркарьян С.Б. Япония-2000: консерватизм и традиционализм. М.: «Восточная литература РАН», 2000. с. 36-37
4. Бикс Г. Хирохито. М.: «АСТ», 2002. с. 469-470
5. История Японии (1945-1975). М.: «Наука», 1978. с. 16-17
6. Бикс Г. Хирохито. М.: «АСТ», 2002. с. 480
7. Сенаторов А.И. Япония в современном мире. Факторы стабильного развития и безопасности. М.: «Макс Пресс», 2000. с. 193
8. Дубровин В.Н. Конституции зарубежных стран. М.: «Юрлитинформ», 2001. с. 431
9. Мак-Клейн Д.Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век. М.: «АСТ», «Астрель», 2006. с. 744
10. Цит. по: Кузнецов Л. М. Стопроцентный американец: Исторический портрет генерала Макарута. М.: «Молодая гвардия», 1990. с. 253
11. Там же.
12. История Японии (1945-1975). М.: «Наука», 1978. с. 17-18

Афганские беженцы в высокоразвитых странах (2001-2007 гг.)

Стурейко Степан Андреевич

аспирант

Белорусский государственный университет

Беженцы из Афганистана, которые оказались в Европе или Америке, ввиду общего высокого уровня жизни в приютивших их странах не знакомы с проблемами соотечественников в Иране или Пакистане. Они не голодают, не испытывают тяготы жизни в палаточном лагере. Их быт, как правило, можно считать более-менее устроенным, даже в случае нелегального пребывания в стране. Основные их проблемы – получение легального статуса и угроза принудительной репатриации. Однако эта угроза реализуется редко, поэтому беженцы или их дети вполне успевают закрепиться в новых для них условиях.

До 2001 г. количество прошений на признание беженцем от афганцев увеличивалось в среднем в полтора раза за год. К концу 2001 г. выходцы из Афганистана успели подать прошения о получении официального статуса беженца в 77 странах по всему миру, включая такие государства, как Бразилия, Куба, Исландия и Сингапур. Всего до 2007 г. было подано 239 400 прошений.

С 1994 г., т.е. со времени появления движения Талибан, официально почти 240 тыс. афганцев нашли убежище в высокоразвитых странах вне азиатского региона. В частности, в Германию с 1994 г. приехало около 50 тыс. человек. Следующая по величине группа беженцев-афганцев обосновалась в Нидерландах – примерно 36 тыс. человек за тот же период. За Нидерландами следует Великобритания – 34 тыс. афганцев. В конце 1990-х гг. афганские беженцы составляли самую многочисленную группу беженцев во многих странах.

Европейские страны приняли у себя гораздо меньшее количество беженцев из Афганистана нежели Иран или Пакистан, однако проявили к ним не меньшее неприятие. Многие европейские правительства изобретали все новые средства сдерживания потока беженцев, вводили новые барьеры на границах и принимали все более жесткие правила определения степени преследования, часто рекомендуя просящим убежища переехать в «безопасные третьи страны». Например, в Германии в течение долгого времени прошения не принимались вообще на том основании, что в Афганистане не существует настоящего правительства, следовательно, от несуществующего не исходит угроза.

Существует несколько базовых объяснений выбора беженцами той либо другой страны в качестве убежища. Среди них: у беженца есть родственник или друзья в определенной стране; беженец знает язык страны; в стране может быть большая афганская диаспора с развитым бизнесом, следовательно беженцу будет проще найти работу; расходы на дорогу; случайные происшествия; действия агентов по отправке беженцев.

Афганцы, попадающие в Европу или Серную Америку, как правило, имеют хорошее образование. Их можно охарактеризовать как представителей городского среднего класса. У них есть профессия, которую они надеются применить на новом месте жительства. В этом заключается основное отличие стран Европы и Америки от стран, соседствующих с Афганистаном, куда устремляются беженцы, занимавшиеся на родине сельским хозяйством.

Понятно, что быт афганцев, приехавших в Европу, существенно изменяется, а распорядок дня и привычки стремятся подчиниться общеевропейским. При этом, как бы там ни было, беженцы, даже выучившие европейский язык и нашедшие работу, остаются для коренных граждан людьми не совсем «полноценными». Отсюда и всплески недовольства и ксенофобии среди малообразованной части европейского общества. Отсюда же и моральное напряжение и дискомфорт у самих беженцев.

Среди беженцев, осевших в европейских странах, исследователи выделяют следующие категории: 1) пуштуны, которые подвергаются насилию и преследованию в северных провинциях из-за того, что являются сторонниками движения Талибан; 2) бывшие члены НДПА и агенты секретной службы; 3) бывшие члены движения Талибан, многие из которых были набраны насильно; 4) религиозные группы – меньшинства; 5) группы, опасющиеся стать насильно завербованными в действующие в стране вооруженные формирования; 6) гомосексуалисты; 7) журналисты, которые получают анонимные угрозы; 8) женщины и девочки, которые подвергаются гендерной дискриминации; 9) другие.

Очень немногие беженцы соглашаются после относительного благополучия в Европе возвращаться домой в полуразрушенную страну. Согласно стандартам, разработанным УВКБ ООН, возвращающимся должна быть предоставлена необходимая информация для принятия обоснованного решения. Она должна включать доступ к сведениям от друзей и родственников из Афганистана, которым возвращающиеся доверяют больше всего. Не всегда репатриация беженцев из высокоразвитых стран является добровольной.

Многие государства, в том числе Великобритания, Австралия и Дания, утвердили «программы стимуляции», чтобы склонить находящихся у себя беженцев к «добровольной репатриации». Такие стимулы включают выплату денежных пособий, а также предоставление бесплатного проезда в Афганистан. Однако только единицы пользуются этими программами. Стимулирующие средства, которые сами доходят до уровня мер насилия или принуждения, представляют собой нарушение принципа невысылки. Кроме того, методы стимуляции часто представляют собой наказание беженцев, не использующих возможность уехать добровольно.

Таким образом, добровольную репатриацию не следует рассматривать как единственное решение проблемы. Все долгосрочные решения, в том числе местная интеграция и переселение, должны оставаться доступными для беженцев из Афганистана независимо от их местонахождения. Государства должны исходить из необходимости обеспечения индивидуальной защиты беженцев на своей территории и рассматривать наиболее подходящие долгосрочные решения этой проблемы для каждого беженца индивидуально, в том числе для женщин и детей.

Кроме того, все ищущие убежища лица должны иметь возможность свободно решать, хотят ли они настаивать на удовлетворении своих ходатайств о предоставлении убежища. Для достижения этой цели им должен быть предоставлен доступ к использованию справедливой регламентированной процедуры предоставления убежища на индивидуальной основе в стране приема, в том числе к независимой процедуре обжалования принятых решений.

Литература:

1. Constenius, L. Afghan migration [Electronic resource] / L. Constenius. – ECRE, 2001. – Mode of access: www.unhcr.ch. – Date of access: 15.07.2007.
2. Morrison, J., Crosland, B. The trafficking and smuggling of refugees: the end game in European asylum policy? / J. Morrison // New issues in refugee research. – UNCHR, 2001. – Working Paper No. 39. – P. 20.
3. Refugees from Afghanistan: the world's largest single refugee group (ASA 11/016/1999) [Electronic resource]. – Amnesty International, 1999. – Mode of access: www.web.amnesty.org. – Date of access: 15.07.2007.
4. Методические рекомендации в отношении обращения с афганскими лицами, ищущими убежище, и беженцами в Европе (PP3/05/2004/Ext/AP) [Электронный ресурс]. – Европейский совет по беженцам и убежищу, май, 2004. – Режим доступа: www.unhcr.ru. – Дата доступа: 23.05.2005.

Образы президентов России в современной китайской публицистической литературе

Тен Наталья Викторовна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Распад Советского Союза и образование Российской Федерации вызвали в Китае весьма значительный интерес не только к разительным переменам, происходившим в нашей стране, но и к фигуре главы государства – президента России. Настоящая работа представляет собой попытку реконструкции и анализа образов российских президентов в современном Китае. Источниковую базу данного исследования составили публицистические издания, вышедшие в Китае за последние десять с небольшим лет. Особое внимание было уделено книгам «Железная рука Путина» («Тевань Пуцзин») и «Президент России – Медведев» («Элосы цзунтун – Мэйдэвэйцзефу»), вышедшим в марте 2000 года и марте 2008 года соответственно, поскольку они содержали представления о новых лидерах России еще до их официального вступления в должность.

Изучение этих материалов показало, что личность Б.Н.Ельцина неотделима от представлений о хаосе и разрухе «ельцинской эпохи». Важным достижением первого президента РФ считается лишь верный выбор «выдающегося преемника». Китайские публицисты акцентируют внимание на факте подписания Б.Н.Ельциным и Цзян Цзэмином в 1996 году декларации, в которой было провозглашено решение развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке (Лэ Юйчэн, 2008, с.88). Других позитивных моментов в деятельности и в образе Б.Н.Ельцина китайские исследователи не отмечают.

Гораздо больше в рассмотренных работах уделено внимания личности В.В.Путина. Важнейшей причиной формирования положительного образа этого политического деятеля является его позиция в вопросе развития российско-китайских отношений. Подчеркивается, что «популярность В.В.Путина в Китае связана с тем, что, во-первых, он следует в русле политики Б.Н.Ельцина, т.е. придает большое значение отношениям с КНР, и, во-вторых, стремится сделать страну сильной, что укрепит совместный китайско-российский антиамериканский фронт» (Тун Цзяньчжоу, 2000, с.254). Китайские авторы отмечают дипломатический талант В.В.Путина, указывая, что он «в первую очередь обменялся рукопожатиями с Китаем» (Тун Цзяньчжоу, 2000, с.314). Тун Цзяньчжоу и Ван Юн обращают внимание на то, что В.В.Путин считает Китай достойным партнером и поэтому он «готов идти вместе с Китаем и укреплять отношения» с КНР. (Тун Цзяньчжоу, 2000, с.314).

Описание политики В.В.Путина по борьбе с чеченским сепаратизмом призвано создать у читателя представление о нем как решительном стороннике сильной центральной власти. Пань Дэли в работе 2005 года ставит в заслугу В.В.Путину восстановление законности и правопорядка, а также возрождение и рост российской экономики (Пань Дэли, 2005, с.73). В целом, президентство Путина характеризуется как весьма успешное: «восемь лет правления Путина – это время, за которое был осуществлен переход от хаоса к порядку; это период политической стабильности и экономического роста (Лэ Юйчэн, 2008, с.89).

В первой в китайской публицистике книге о Д.А.Медведеве он заранее представлен «вторым Путиным» (Чжэн Цзяцзе, 2008, с.2). Кроме того, китайские авторы подчеркивают возникший еще в юности глубокий интерес нынешнего президента РФ к китайской культуре. Чжэн Цзяцзе, как и другие китайские публицисты, разделяет мнение, что все петербуржцы, вслед за основателем города Петром Великим, неравнодушны к Китаю; в обязательную программу петербургских университетов

входят учения Конфуция, Лаоцзы, Мэнцзы; кроме того, на протяжении десятилетий Санкт-Петербург является основным центром китайской иммиграции в России, здесь сильны традиции китайской культуры, и это не могло не повлиять на Медведева (Чжэн Цзяцзе, 2008, с. 187). Конечно, российскому читателю ясно, что китайские авторы сильно преувеличивают степень знакомства жителей Санкт-Петербурга с культурой Китая.

Создавая образы президентов России, современная китайская публицистическая литература акцентирует те черты и качества лидеров РФ, которые импонируют традиционным китайским представлениям о сильном правителе: жесткость в отношении сепаратистов, стремление идти своим путем, под которым понимается отказ от слепого подражания Западу. В целом, с начала 1990-х годов укрепившийся Китай перестает воспринимать Россию как соперника, в отличие, скажем, от США и Японии. Поэтому главным критерием оценки становится готовность российских президентов идти навстречу КНР. При этом желание китайских публицистов абсолютизировать такие черты приводит иногда к недостоверности. Из-за поспешности издания или некомпетентности авторов в этих работах встречаются фактические ошибки, например, в книге «Президент России – Медведев» вместо фотографий Д.А.Медведева в молодости помещены изображения других людей.

Примечательно, что образы российских президентов в современной китайской публицистике практически лишены типичных, на взгляд китайцев, черт русского человека. Только первого президента РФ Б.Н.Ельцина характеризуют как «настоящего русского мужчину», «решительного в мыслях и действиях» (Лэ Юйчэн, 2007, с. 86). В образах В.В.Путина и Д.А.Медведева на первый план выводятся такие признаки, которые свидетельствуют об их признании общности интересов России и Китая в современном мире. Описание президентов РФ сочетает в себе элементы образа, предполагающего наличие обобщенных черт и стереотипных представлений, и политического портрета, основанного на реальной политической деятельности. Таким образом в китайской публицистической литературе формируется отвечающий интересам Китая положительный образ новых российских руководителей.

Литература

1. Лэ Юйчэн. Блоги о России (Бокэ Элосы). Нанкин, 2007.
2. Пань Дэли. Страны мира. Россия (Легочжи. Элосы). Пекин, 2005.
3. Тун Цзяньчжоу, Ван Юн. Железная рука Путина (Тевань Пуцзин). Пекин, 2000.
4. Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. По волнам русской жизни (Ибосаньчжэ элосыжэнь). Пекин, 1997.
5. Чжэн Цзяцзе. Президент России – Медведев (Элосы цзунтун - Мэйдэвэйцзефу). Пекин, 2008.

Современные тенденции в урегулировании ближневосточной проблемы

Шановалов Михаил Сергеевич

преподаватель

Омский педагогический колледж №1

«Ближний Восток сегодня – это неустойчивый, малопонятный регион мира, где налицо все предпосылки для возникновения крупномасштабной войны» - писал в 1980 г. американец Соренсен (1982. С.258). С тех пор прошло 28 лет. Мир сильно изменился, но Ближний Восток и международные отношения на нем не стали ни более устойчивыми и ни более понятными.

Одной из составляющих международных отношений в этом регионе была и остается ближневосточная проблема – проблема урегулирования арабо-израильского

конфликта и решения палестинского вопроса. Чтобы попытаться понять современные тенденции в урегулировании обратимся к истории поиска путей и методов решения ближневосточной проблемы через призму идей системного анализа О. Янга.

В ближневосточной проблеме можно выделить два уровня: региональный и международный. Региональный уровень заключается в неразрывной связи проблемы с событиями и процессами, проходящими непосредственно в Палестине и на Ближнем Востоке, международный же связан с ее взаимодействием с общемировой обстановкой и мировой системой международных отношений. Можно выделить пять этапов поисков путей и методов решения ближневосточной проблемы:

1. Подмандатный этап (1920-45) характеризовался поиском компромисса между сторонами, осуществлявшимся английской мандатной администрацией в Палестине. На региональном уровне произошел распад Османской империи и создание мандатной системы и др. На международном уровне завершилось создание Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, проходило англо-французское соперничество и др.

2. Послевоенный этап (1945-48) характеризовался попыткой урегулирования конфликта мировым сообществом путем навязывания народам Палестины решения ГА ООН 181 (II). На региональном уровне начался распад британской и французской колониальных империй, образование ряда новых независимых государств и др. На международном уровне – окончание Второй мировой войны, признание Холокоста и др.

3. Военный этап (1948-67) характеризовался попыткой решения проблемы силовым путем самими участниками конфликта. На региональном уровне – арабские революции, новый виток процесса распространения идей арабской интеграции и арабского национализма и др. На международном уровне арабо-израильский конфликт становится частью «холодной войны».

4. Этап «частичного» урегулирования (1967-87) характеризовался применением к урегулированию проблемы метода решения спорных вопросов конфликтующих сторон постепенно и по отдельности. На региональном уровне – смена поколения лидеров арабских государств и др. На международной уровне – попытки сближения позиций США и СССР в условиях «разрядки» холодной войны и др.

5. Этап «всеобщего» урегулирования (1987-2004) характеризуется применением сторонами в переговорном процессе метода «всеобщего» урегулирования, нашедшего выражение в конференциях в Мадриде в 1991 году, в Осло в 1993 году и др. На региональном уровне оказывают влияние внутривосточная борьба и «чехарда правительств» в Израиле, проблема безопасности и терроризма, рост исламского фундаментализма и др. На международном уровне конфликта этап был ознаменован окончанием «холодной войны» и совместными усилиями США и СССР в урегулировании проблемы и др.

Однако необходимо отметить, что события последних трех лет говорят о появлении совершенно новых тенденций в урегулировании ближневосточной проблемы.

С одной стороны региональным «игрокам» сегодня отчетливо ясно, что Израиль как наиболее экономически развитое и сильное государство региона просуществует очевидно дольше Иерусалимского королевства крестоносцев. Израиль свою очередь понимает важность решения палестинской проблемы, не только как вопроса своего международного престижа, но и как камня преткновения в процессе своей интеграции в структуры Ближнего Востока. С другой стороны, коспонсоры мирного процесса США, ЕС, Россия и ООН готовы совместно предоставить свои посреднические услуги для заключения окончательных договоренностей.

Однако, ни в 1996 г., ни в 1999 г., когда планировалось подписать окончательное соглашения об урегулировании, ни план «Дорожная карта» 2004 г., ни другие начинания коспонсоров и самих сторон конфликта не были реализованы.

Становится ясно, что в современном ближневосточном урегулировании существуют не только региональные и международные уровни, сдвиги в которых объективно должны способствовать заключению окончательных договоренностей, но и также некие иные, возможно некие «параллельные» уровни.

Один из примеров такого «параллельного» уровня связан с огромными финансовыми потоками, вращающимися вокруг ближневосточного урегулирования. В частности, самоценность приобрел сам процесс решения ближневосточной проблемы. Значительный штат чиновников в различных международных организациях, аналитических центрах на протяжении последних 60 лет разрабатывают планы урегулирования. Значительные субсидии на решение палестинского вопроса получают сами палестинцы. В 2007 г. была озвучена цена размораживания переговоров Израиля и ПНА – 100 млн. ам.долл.(Палестино-израильское урегулирование на ближневосточной карте. http://www.unitednations.ru/articles_23_1162284231.html) Ежегодно ПНА получает около 7 млрд. долл. безвозмездных кредитов.

Становится очевидно, что ни палестинское руководство имеющее доступ к деньгам, ни палестинские беженцы получающие дотации (более 2 млн.чел.), ни организации связанные с закупками гуманитарной помощи, ни огромный штат занимающихся урегулированием чиновников объективно не заинтересованы в разрешении конфликта. Очевидно, сегодня они становятся не менее значимыми акторами в международных делах, образующими «новые» уровни.

Исходя из этого «новые» уровни формируют новые тенденции в ближневосточном урегулировании. Как отмечал профессор Е. Сатановский, уже в ходе ливано-израильской войны 2006 г. в лентах новостей можно было проследить информацию о заключении мирных договоренностей не между официальными правительствами Израиля и Ливана, а между некоторыми мелкими шиитскими группировками и отдельными еврейскими поселениями. Так и при решении палестинского вопроса прочный мир между Израилем и палестинцами нередко стал строиться на частных договоренностях глав еврейских поселений и муниципалитетов со старейшинами соседствующих с ними палестинских кланов и селений. Мирный процесс в этой связи получил качественно новые тенденции.

Литература

1. Палестино-израильское урегулирование на ближневосточной карте [Электронный ресурс] / Режим доступа http://www.unitednations.ru/articles_23_1162284231.html свободный. — Загл. с экрана.
2. Соренсен Т. (1982) Ложные послышки // Американцы о внешней политике США. М.: Прогресс.

Турецкая модель гражданского общества: в поисках компромисса между секуляризмом, исламизмом и демократией

Шлыков Павел Вячеславович

аспират

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Гражданское общество относится к числу явлений, в понимании которых еще не достигнута теоретическая и практическая ясность. Поиск целостного подхода к проблематике гражданского общества идет со времен Адама Фергюсона и его знаменитого труда «Опыт истории гражданского общества» (1767)¹, а впервые это

---

¹ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000.

понятие встречается в «Политике» Аристотеля (4 в. до н. э.)¹. Наблюдаемая в последние десятилетия новая волна интереса к концепции гражданского общества в мировой общественно-политической мысли обусловлена рядом объективных и субъективных факторов. С одной стороны, в этом можно видеть ответ на появление «новых социальных движений»², возрождение неоконсервативных традиций, кризис государства всеобщего благосостояния, с другой – последствия распада Советского Союза и мировой системы социализма, а затем и неудача неолиберальных реформ и т. д.

Рост популярности концепции гражданского общества послужил причиной того, что оно стало идеализироваться и представлялось уже не только «сферой автономного и саморегулирующегося пространства общественных отношений»³, но и необходимым условием для демократизации и модернизации. При этом из поля зрения часто выпадал его негативный потенциал как поля «войны всех против всех», усмиримой лишь внешним воздействием государства⁴ («отрицательные» стороны и несовершенство гражданского общества, о которых говорили еще Г. Гегель и К. Маркс⁵) и нелинейность связи между демократизацией и гражданским обществом⁶. Еще одним распространенным упрощением в понимании гражданского общества стал акцент на его антиполитической модели, постановка его в оппозицию к государству и политическому обществу и, как следствие, пренебрежение ролью центральной власти в обеспечении базовых прав и свобод, сохранении уровня общественного развития⁷. Между тем, без регулирующего воздействия государства гражданское общество имеет все шансы превратиться в арену религиозно-этнического и социально-классового противостояния. Наконец, само по себе гражданское общество не может выступать как «субститут» государства⁸: авторитарная власть настолько же препятствует формированию

¹ Аристотель. Политика. // Аристотель. Сочинения. В 4 тт. Т. 4. М., 1983, с. 376-644.

Как *politike koinonia* – политическая общность/сообщество. «Калькой» этого термина в латинском языке и явилось выражение *societas civilis* (гражданское общество).

² Новые социальные движения – это социально гетерогенные массовые демократические движения, генетически и политически автономные по отношению к «старым», ориентированные на поиск новых форм социальной организации и разрыв с традиционными. Чаще всего они не приобретают черты социального института, им свойственны аморфность организационных структур, отсутствие единой идеологии, определенное единство же им придает общность ценностей и целевых установок.

³ Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность. // Восток (Oriens), № 1, 2009, с. 110; Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003, с. 7; Володин А.Г. Политическая экономия демократии. М., 2008, с. 35-36

⁴ Сагатовский В.Н. Гражданское общество в философии Гегеля и Маркса. // Человек, государство, глобализация. Сборник философских статей. Вып. 3. СПб.-Тбилиси, 2005, с. 259 См. также: Savran G. Sivil Toplum ve Ötesi: Rousseau, Hegel, Marx. Istanbul, 1987; Keane J. Despotism and Democracy: The Origins and the Development of the Distinction Between Civil Society and the State 1750-1850. // Civil Society and the State: New European Perspectives. L.-N.-Y., 1993, pp. 50-52.

⁵ Сагатовский В.Н. Ук. соч., с. 238-259

По Гегелю, это весьма несовершенный уровень организации социальной жизни, регулировать который способно только сильное государство [Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990, с. 286], а Маркс видел в нем воплощение индивидуалистической разобщенности [Маркс К. К критике гегелевской философии права. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1, с. 31; Маркс К. К еврейскому вопросу. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1, с. 410].

⁶ Как заметил социолог Август Нортон: «Невозможно принять две таблетки «гражданственности» на ночь, а утром проснуться в демократическом обществе» [Norton A.R. Introduction. // Civil Society in the Middle East (Vol. 2). Leiden, 1996, p. 6].

⁷ Надо учитывать то, что сохранение уровня общественного развития – это одно из главных достижений гражданского общества.

⁸ Norton A.R. The Future of Civil Society in the Middle East. // The Middle East Journal, Vol. 47, issue 2, 1993, p. 215.

демократического общества, насколько ее строго ограниченная законом форма является непременным условием для установления демократического порядка.

В случае Турции, где государство традиционно осуществляло свою власть за счет сокращения гражданских свобод, специфические черты гражданского общества, его отношение к демократии, секуляризму (лаицизму) и исламу обретают особое значение. Турецкой общественно-политической мысли характерно стремление рассматривать гражданское общество и государство в отрыве друг от друга, как несвязанные между собой сферы социальной жизни, отсутствие критического подхода к концепту «гражданского общества», его популяризация как противовеса авторитаризму центральной власти. Все это накладывается на размытость и неопределенность самого понятия. На фоне постоянных разговоров о гражданском обществе, его фактическом и гипотетическом вкладе в развитие демократии в стране остается до конца неясным, что в общественном дискурсе стоит за этим понятием. Одни видят в определении «гражданский» оппозицию «государственному», в то время как другие имеют в виду противовес «влиянию армии». Для кого-то гражданское общество означает просто наличие общественных организаций, для других – важно, какие это НПО (либеральные, исламские или секулярные). В контексте разных политических идеологий и платформ гражданское общество стало идентифицироваться буквально со всем – от многопартийной системы и гражданских прав до индивидуальной свободы¹.

Получается, что у каждого есть свое гражданское общество, отвечающее личным интересам и представлениям о демократии и гражданственности. На страницах турецкой печати поясняется, что это понятие включает все неправительственные организации (НПО), общества, кружки, платформы, вакфы, союзы различных палат, бирж, адвокатских обществ, профсоюзные объединения, конфедерации и синдикаты предпринимателей и ремесленников, спортивные и искусствоведческие объединения и т. п. Всеми этими терминами обильно наполнена программа ныне правящей умеренно исламской Партии справедливости и развития (ПСР). Делая акцент на понятии «гражданское общество», ПСР в то же время снимает все сомнения в законности существования ряда религиозных организаций, обществ, например общества Фетхуллага Гюлена, суфийских орденов и т. п.

Как и в случае со многими иницированными ПСР реформами, отношение правящей партии к гражданскому обществу и различным его группам (мусульманам и др.) страдало двойными стандартами. Может показаться странным, но ПСР приложила немало усилий (прямых и косвенных), чтобы не допустить или свести к минимуму влияние гражданского общества на выработку и принятие политических решений, при этом не переставая обращаться к нему за поддержкой и одобрением своей политики, особенно в те моменты, когда традиционные секулярные институты (армия, университеты) и кемалистская элита становились на пути проведения масштабных реформ². Столь двусмысленное положение закономерно вызвало негативную реакцию со стороны НПО. Так, в марте 2005 г. консультативный совет по правам человека при премьер-министре, в состав которого входили представители крупнейших общественных организаций, подал коллективное прошение об отставке в знак протеста против «номинального, а не реального использования этого органа со стороны правительства»³. Показателен пример разработки и принятия нового уголовного кодекса

¹ Seligman A. Civil Society: The Critical History of an Idea. // Contemporary Sociology. Vol. 30, No. 2 (2001), p. 203

² См.: Hürriyet, 06.02.08; Hürriyet, 13.02.08; Zaman, 09.06.07

³ İHDK'de yaprak dökümü. // Radikal, 24.03.05

İnsan Hakları Danışma Kurulu Üyeliklerinden İstifa. // Haber7.com, 24.03.05

<http://www.haber7.com/haber/20050324/Insan-Haklari-Danisma-Kurulu-uyeliklerinden-istifa.php>

в 2004 г., когда власти всячески препятствовали публичному обсуждению его положений. Как впоследствии признал один из крупных функционеров ПСР Денги Мир Фырат, роль гражданского общества, СМИ, академических кругов в разработке нового кодекса была минимальной: к обсуждению было привлечено около 30 правоведов и лишь двое из них высказали свое мнение по поводу закона до его принятия в сентябре 2004 г.¹ Схожая ситуация возникла и в 2007 г. с проектом новой Конституции, когда обещания ее широкого всенародного обсуждения (не только видимости) так и остались невыполненными². Приверженность ПСР принципам культурного и религиозного плюрализма также больше находила свое отражения в лозунгах и пропагандистских акциях, чем в реальной внутренней политике: за провозглашением необходимости «обновления светскости» в обществе стал расти религиозный фанатизм³ и неприятие этно-конфессиональных меньшинств⁴. Ситуация с запретом на ношение мусульманского платка (тюрбана), когда это символическое право беспрепятственно выражать свою религиозную принадлежность (заметим, исключительно мусульманскую) затмило необходимость всех других гражданских свобод⁵, разразившееся «дело Эргенекон» и уголовное преследование бывших военных лишь подтверждают тезис о господстве примата одного мнения как отличительной черте политической культуры турецкой государственной элиты и гражданского общества: когда «сильный», т. е. более представительная социальная группа, утверждает неоспоримость своей культурно-политической платформы и навязывает ее «слабому» – социальной группе, обладающей в данной ситуации меньшим ресурсом⁶.

Исторический опыт Турции дает нам пример того, насколько трудно реализовать формулу «государство плюс гражданское общество» в условиях живой традиции сильной центральной власти с устойчивыми чертами авторитаризма. Стремление к доминированию в разных сферах общественной жизни, радикальный характер реформ и модернизация «сверху» и т. п. – все эти черты турецкой политики служили разрастанию пропасти между государством и обществом. Многие социальные группы при этом намеренно отчуждались государством как «не вписывающиеся» в выстраиваемую парадигму «нового турецкого общества». В совокупности это делало практически невозможным выработку «коллективной политической идентичности», способной выступить объединяющим и консолидирующим фактором для большинства. Укрепление позиций гражданского общества как противовеса «абсолютной власти государства» в 1990-е гг. создало иллюзию того, что вскоре политическая система станет открытой для самых разнообразных социальных групп, в том числе и маргинализированных, приобретет черты плюралистической демократии. Однако нежелание власти идти на уступки гражданскому обществу, ее отказ от широкого сотрудничества служат дальнейшему обособлению общества и государства, их стремлению к самореализации за счет друг друга. В конечном итоге, при росте влияния гражданского общества в нем могут возобладать радикальные течения, и маятник турецкой политики вновь качнется в сторону ужесточения режима «во имя спасения демократии».

---

¹ Sabah, 28.09.2005

² Yeni Şafak, 13.01.2009; Zaman, 15.09.2007.

³ Milliyet, 19.04.2007.

⁴ Milliyet, 20.12.2007.

⁵ AKP için Tek Özgürlük Turban Özgürlüğüdür. // Hürriyet, 06.02.2008.

⁶ См.: Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции..., с. 110-122.